

Проблемы развития науки

© 1990 г.

Е. 3. МИРСКАЯ

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

МИРСКАЯ Елена Зиновьевна — кандидат философских наук, заведующая сектором Института истории естествознания и техники АН СССР. Паш постоянный автор.

Целенаправленную научную политику в более или менее явной форме проводит большинство современных государств — от мировых лидеров промышленного развития до развивающихся стран. Должна ли она быть научно обоснованной? Вопрос не такой бессмысленный, как может показаться на первый взгляд.

Ответ на него все-таки должен быть положительным, т. к., если выбор приоритетов осуществляется в основном как политическое решение, то определение механизмов их реализации требует именно научного знания объекта управления.

Как же обстоят здесь дела? Что известно о науке — этой необходимой и неотъемлемой части современного общества, которая связана с ним тысячами нитей и в то же время является относительно самостоятельным социальным институтом со своими специфическими закономерностями? Естественно было бы предположить, что о себе самой наука знает «все», однако это отнюдь не так. И не напрасно в западных странах появляются все новые дисциплины, изучающие ее функционирование и развитие. Причем, развернув эти исследования с 60-х (США) — 70-х (Западная Европа) годов, они их непрерывно расширяли и углубляли [1]. В Советском Союзе науковедческие исследования развиты совершенно недостаточно. Начатые намного раньше, чем на Западе, они возродились в конце 60-х годов уже как отражение зарубежного опыта. Проводимые небольшими группами, не имеющими в основном ни профессионально подготовленных кадров, ни материально-технического обеспечения, эти исследования остаются в целом на кустарном уровне. Удовлетворительное развитие получили только методологические разработки.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что наука, нарабатывающая аппарат постижения действительности, столь мало внимания уделяет самой себе. Что касается нашей страны, у этого факта есть достаточно глубинные причины. М. С. Горбачев имел все основания сказать, что мы не знаем общества, в котором живем. Мы не понимаем и науки, в которой работаем.

Это непонимание лишь отчасти связано с недостаточностью знаний, накопленных в науковедческих дисциплинах, а в большей мере — с нежеланием эти знания использовать. К сожалению, в максимальной степени такое сознание характерно для лиц, ответственных за управление

наукой. Концентрация управленческих усилий в локальных ситуациях сочетается у них с полным отсутствием представлений о глобальных путях развития науки. Управление наукой и научная политика трактуются примитивно, чисто бюрократически: есть перечень заданий, набор подразделений и материальные средства; надо «расписать» — кто что должен сделать и как распределить средства.

Легче всего объяснить ситуацию нерадивостью и необразованностью отдельных людей. Полезнее — разобраться в возможностях, которые создаются в результате изучения науки как объекта, и в наличии или отсутствии необходимости их использовать [2].

Хотя науковедческие исследования опираются на давнюю и достаточно развитую традицию, вопрос о практической значимости их результатов вплоть до последнего времени специально не обсуждался.

Дело в том, что преобразование результатов социологического исследования в информацию, содействующую выработке решений, всегда рассматривалось как вполне тривиальная и заведомо осуществимая операция, для выполнения которой достаточно доброй воли соответствующих специалистов. Несомненное наличие такой установки или заменяющих ее внешних стимулов и принималось за основу интеграции социологических исследований в систему научной политики.

Опыт последних полутора десятилетий в значительной степени опроверг подобные допущения. За указанный период мировая социология науки накопила существенный информационный и кадровый потенциал, позволяющий обеспечить разработку практически всего комплекса проблем, сопряженных с проведением эффективной научной политики в длительной перспективе. В то же время реальное использование этого потенциала остается явно недостаточным, научная политика оказывается весьма далекой от социологических исследований, что побуждает возвратиться к вопросу о практической значимости их результатов.

Для ответа на этот вопрос следует определить те условия, при которых для выработки научной политики источником информации должно быть социологическое исследование. Ведь реально подавляющее большинство решений, касающихся научной политики, основывается на информации служебного характера, получение которой обеспечивается административными механизмами и отнюдь не предполагает проведения специальных научных исследований. Более того, в основной массе проблемных ситуаций, сопряженных с выработкой или проведением научной политики, именно такого рода информация оказывается наиболее надежной и релевантной, т. е. отвечающей нуждам своих потребителей. Можно, таким образом, предположить, что необходимость в проведении именно социологического исследования возникает лишь при выработке научной политики, направленной на достижение совершенно определенных целей.

Такое предположение нетрудно конкретизировать, применив модель выработки решений, традиционно используемую при исследовании механизмов управления в отдельных системах. Согласно указанной модели, для выработки рациональных решений необходима информация тройного рода: о «входе», т. е. о действиях, которыми предполагается осуществлять управление; об ожидаемых или действительных последствиях этих действий, т. е. о «выходе» системы; и, наконец, о функциональном механизме, обеспечивающем связь управляющих действий с их конечными результатами. Все это, очевидно, легко проецируется на научную политику: ее «входом» оказываются экономические и правовые санкции, налагаемые на участников коллективного производства знания, «выходом» — получаемые ими научные или технические результаты, а между ними в качестве функционального механизма — различные формы сотрудничества работников науки.

Если теперь представить в общем и предельно схематизированном виде все многообразные проблемные ситуации, сопряженные с ориентацией на увеличение производства знания, то они сведутся к двум хорошо различающимся альтернативам научной политики. Первая состоит в том, чтобы решать эту задачу за счет усиления «вещных» факторов (увеличения объема или репертуара управляющих воздействий) при сохранении сложившихся форм кооперации между членами научного сообщества. Подобную научную политику естественно назвать экстенсивной, поскольку увеличение производства знания достигается за счет увеличения связанных с этим затрат при неизменной продуктивности труда. Вторая состоит в том, чтобы увеличивать производство знания за счет активизации «человеческих» факторов, т. е. изменений в формах сотрудничества между его участниками. Такую политику естественно назвать интенсивной, поскольку увеличение производства знания достигается за счет увеличения продуктивности труда при сохранении неизменными затрат, которые с ним сопряжены. В реальных проблемных ситуациях эти альтернативы научной политики нередко совмещаются, однако каждая из них предполагает обращение к различным типам источников информации.

Так, экстенсивная политика сопряжена с использованием сугубо инструментальной информации о действиях, которые преобразуют соответствующую социальную систему в желаемом направлении, а сведения иного рода оказываются заведомо избыточными. Если намерения лиц или групп, осуществляющих управление, устойчивы, а результаты управляющих действиями полностью согласуются с намеченным, то для выработки решений достаточно информации служебного плана, получаемой по административным каналам. Если появляются рассогласования, недостаточную служебную информацию всегда можно восполнить данными экономического и правового анализа, расширяющего репертуар действий, которые могут рассматриваться в качестве управляющих. Как видим, экстенсивная научная политика вообще не сопряжена с использованием сведений, характеризующих собственные механизмы преобразуемой социальной системы, вследствие чего не предполагает обращения к источникам информации, которые обеспечивают их получение.

Отсюда естественно сделать вывод, что результаты социологических исследований приобретают практическую значимость лишь при необходимости проведения интенсивной научной политики, когда репертуар управляющих действий, основанных на служебной информации, предполагается полностью исчерпанным. Нарращивание ресурсов или административных механизмов в подобной ситуации не может оказать решающего воздействия.

В то же время увеличение продуктивности научного труда, т. е. увеличение отдачи от инвестиций в сферу науки не может быть обеспечено той информационной базой, на которую сегодня реально опираются директивные и планирующие органы. Интенсивная научная политика — увеличение производства знания за счет перестройки форм сотрудничества между его участниками (включая международные научно-технические связи) — возможна только на основе использования информации о социальных структурах, исторически сложившихся в данной области и определяющих реальную поведенческую реакцию специалистов на управляющие действия. Получение же подобной информации возможно лишь при обращении к ее источникам, локализованным вне системы научной политики, — к результатам социологических исследований, посвященным взаимосвязям между формами сотрудничества в производстве знания и продуктивностью труда его участников.

Таким образом, потребность ограничить инвестиции в производство знания при одновременном сохранении его роста ставит в настоящее время задачу перехода к интенсивной научной политике и, следовательно, обращения к ее информационной базе — социологическим исследованиям науки. Попробуем конкретизировать эти общие представления для нашей отечественной ситуации. Анализ советской научной политики показывает, что последние 35 лет она целиком и полностью опиралась на традиционную модель выработки решений: если надо добавить на «выходе» — добавляют «на входе». Что добавляют? Ресурсы и управляющие воздействия. Пока была возможность сохранять высокие темпы наращивания ресурсов, меньше внимания уделяли «воздействиям», уменьшались ресурсы — росли воздействия. Однако при любом соотношении первого и второго научная политика всегда оставалась в принципе экстенсивной. Когда добавлять ресурсы прежними темпами стало уже неоткуда, была сделана попытка «интенсифицировать» науку за счет усиления только воздействий, которые выразились вначале в нарастании требований «усилить, углубить, расширить», а затем — в ряде меропрятий (они будут рассмотрены дальше), предпринятых по решению управленческого аппарата Академии наук в ответ на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1983 г.

Здесь необходимо обратить внимание на такое характерное явление как повторяемость правительственных решений о науке. Начиная с 1962 г., постановления, фиксирующие состояние науки и ставящие задачи по ее совершенствованию, носят крайне тревожный и по сути одинаковый характер. Все эти документы совпадают почти текстуально — и проблемы прежние, и подход к их решению тот же. Ясно, что болезнь прежняя, но степень «запущенности» ее все нарастает.

О чем свидетельствует эта повторяемость правительственных решений? Ведь каждое последующее постановление обязательно констатирует, что та ситуация, которую должно было улучшить предыдущее постановление по этому вопросу, не изменилась, а иногда и ухудшилась. Очевидно, что между указанием и исполнением имеется серьезнейший разрыв. На пути к реализации основные идеи теряют первоначальный облик и начинают выступать в искаженном виде.

Происходит это из-за несовпадения государственных интересов, представленных в постановлениях, с интересами групп и лиц, осуществляющих научную политику и управление наукой, а также — со стимулами, движущими развитие самой науки. Получается, что «государство» знает о неблагоприятном положении в отечественной науке и указывает на необходимость преобразований. Работники науки (во всяком случае в лице наиболее широко, социально мыслящих ученых) также довольно отчетливо представляют себе, что нужно радикально изменить в их профессиональной жизни. Однако те структуры управления, которые должны в соответствии с государственными решениями создать и реализовать программы, совершенствующие функционирование науки, этого не делают и, более того, сделать не могут. Почему?

Первая (и главная!) причина та же, что и во всех других отраслях нашего народного хозяйства: эти слои имеют свои, не совпадающие с государственными, интересы. Специфичность интересов управляющей прослойки формирует ее «сверхзадачу» — «улучшать, ничего не меняя», поскольку необходимые принципиальные изменения будут обращены против нее, против бюрократизированного аппарата.

Вторая причина состоит в том, что верхние уровни управленческого аппарата не признают и не понимают ни специфической сущности науки по сравнению с другими сферами общественного производства,

ни своеобразного характера ее полезности, ни внутренних механизмов ее функционирования. А это означает, что когда наступает крайняя необходимость что-то предпринять, то предпринимаемое почти обязательно в итоге ухудшает положение. Неудивительно, что попытки интенсифицировать науку бюрократическим путем успеха иметь не могли и не могут.

Из проведенного выше анализа альтернатив научной политики следует, что переход к другой форме развития пауки тесно связан с переходом к преимущественно интенсивной научной политике, т. е. с существенными изменениями в основах управления наукой. По административной линии предлагаются ситуационные меры, а необходима проработка цельной концепции. Без этого непредвиденные последствия конкретных мероприятий нередко не только сводят на нет их запланированную полезность, но даже наносят вред развитию науки.

В настоящее время достаточно очевидно, что неудовлетворительное функционирование науки обусловлено теми же глубинными причинами, которые исказили нормальное развитие всего нашего общества. В основе всего лежат нарушения фундаментальных принципов социализма, обеспечивающих активную позицию человека: демократизм управления и распределение по труду. Без возвращения к этим принципам все попытки улучшения и совершенствования чего бы то ни было — в том числе и науки — будут латанием «тришкина кафтана».

Однако в каждой отдельной сфере социального организма эти принципы должны быть реализованы своеобразно — адекватно реальным формам сотрудничества, характерным именно для данной сферы. А для этого необходимо знать и эти реальные формы, и подлинные производственные отношения в них, и неоднородности внутри соответствующей профессиональной группы (в нашем случае — работников науки).

Радикальная перестройка нашего общества требует коренного преобразования и всех его составных частей. В нашей экстремальной ситуации недопустимо предполагать возможность многократных перестроек, а потому нельзя «кроить», а уж тем более «резать» необдуманно.

Специфическая опасность настоящего момента состоит в том, что в социальном институте науки накопилось огромное количество явных, «грубых», вопиющих недостатков. Это создает впечатление, что научный анализ ситуации не нужен. Зачем анализировать, когда невооруженным глазом видно, что наука поглощает очень много средств, неизменно разрослась по численности занятых в ней людей, значительная часть которых утратила всякую мобильность и творческую активность, что академическая наука, которая должна быть передним краем фундаментальных исследований, организационно представлена окаменевшими институтами с «вечной» проблематикой; что геронтократия, недопустимая в науке в гораздо большей степени, чем в других социальных сферах, — неоспорима и, в целом, неприступна; что научные мафии вершат судьбы отдельных ученых и целых направлений и т. д. и т. п.

Такие очевидные недостатки провоцируют административные круги на «прямые» акции, которые представляются естественными, а потому — разумными. Наука дорога — уменьшим бюджетные ассигнования на нее; раздуты штаты — проведем сокращение; низок уровень научной деятельности — переквалифицируем кадры и пообещаем денежные надбавки, «заела» геронтократия — введем возрастной ценз.

Институты Академии наук СССР уже имели возможность убедиться, что соответствующие мероприятия не принесли положительного результата, хотя и прервали нормальную работу ученых почти на два года. Сократили, но не тех — не бездельников и неучей, а людей «неудобных», бескомпромиссных: аттестация вообще не может улучшить ход научной работы (это мы поясним дальше), а в той форме, в какой проводилась,

она лишь дала возможность расправиться с неугодными лицами или, наоборот, обвинить начальство в неблагоприятных действиях. Возрастной ценз сдвинул кое-кого с давно занимаемых мест, но не изменил принципа решения кадровых вопросов. Материальное поощрение за научные достижения, отданное на усмотрение дирекции, которая не располагает никакими научно обоснованными критериями оценки этих достижений,— не может стимулировать развитие исследований.

Неуспешность мероприятий объясняется их «административно-управленческим» характером — это попытка предпринять какие-то меры «на входе» в систему научного производства, не вникая в механизмы его функционирования, не пытаясь заглянуть в «черный ящик» научной деятельности.

Здесь нам представляется недостаточным и, главное, неплодотворным очередной раз осудить бюрократические традиции и командно-административный стиль управления, разоблачить нежелание и неумение управляющей верхушки разбираться в существенных процессах подчиненной ей социальной сферы. Об этом написано много, ярко и убедительно. Нам хотелось бы обратить внимание на специфику этих проблем в науке (особенно — фундаментальной) и при этом встать на точку зрения, что лица и органы, разрабатывающие научную политику и управление наукой действительно ставят своей целью совершенствование развития науки, ее интенсификацию.

Будем исходить из того, что задача интенсификации науки и, следовательно, перехода к интенсивной научной политике не просто провозглашена, но и поставлена всерьез. Как было показано выше, это требует от управленческих структур учитывать в принимаемых решениях социологическую информацию. Здесь возникают два вопроса: первый — готовы ли социологи что-то предложить, и второй — способны ли управленцы это принять? Как ни странно, на эти два вопроса нельзя ответить по отдельности, они связаны друг с другом и в своей взаимосвязи порождают непростую проблему. Для ее понимания придется бросить беглый взгляд на историю.

Широкие исследования науки как объекта начались еще в 60-х годах, почти одновременно в разных странах, как только стало очевидно, что наука превратилась в одну из ведущих социальных сил. Надо подчеркнуть, что хотя исследования науки возникли в ответ на латентный социальный заказ, на самом начальном этапе интерес исследователей был «чистым»: все они пытались понять, «как устроена наука». Однако очень скоро и самим исследователям науки и людям, ответственным за ее организацию, стала ясна прагматическая ценность знаний о науке. Если изложить схему представлений того времени, то она сведется к следующему. Наука — «организм», имеющий собственные законы функционирования (свои механизмы, а соответственно и связанные с ними закономерности). В то же время современная наука — не самостоятельный институт, а объект управления, организации. Чтобы внешне налагаемые формы организации не приходили в противоречие с собственными закономерностями функционирования самой науки, т. е., чтобы управление было эффективным и оптимизировало научную деятельность, надо познавать эти «собственные» механизмы науки и закономерности ее развития. Все эти знания могут и должны стать основой рациональной научной политики, исходными представлениями в управлении наукой.

Такие представления были характерны и для исследователей науки (наукведение развивалось как прагматически ориентированная дисциплина), и для потенциальных потребителей — людей, ведающих организацией и управлением. Но сходство представлений по данным вопросам не могло объединить позиции этих групп, поскольку каждая продолжала за-

ниматься своим делом: одни исследовали, другие — управляли. При этом первые полагали, что вторые ждут не дождутся их результатов, расширяющих понимание социального института науки, что все обнаруженное будет подхвачено, преломлено в соответствующем направлении и заложено в практические решения. Вторые имели собственные традиционные источники служебной информации о функционировании науки и свои представления о принципах управления. Они хотели бы, вернее — не возражали бы против подсказки по совершенствованию управляющих воздействий, но эта подсказка и это совершенствование были бы приняты, если их предложить в формах, привычных для сферы управляющих воздействий. Исследователи науки таких рекомендаций не могли дать по существу, ибо их результаты были выражены «на другом языке».

Здесь, кстати, заложено основание того разочарования и потери энтузиазма, которые возникли во второй половине 70-х годов и внутри самих науковедческих дисциплин, и по отношению к этим дисциплинам — извне. С точки зрения исследователей науки, у них «не взяли» полезные, наработанные ими результаты, что всегда существенно подрывает мотивацию ученого к работе. С точки зрения лиц и органов, занимающихся организацией и управлением в науке, им «не дали» то, что нужно, и, следовательно, ученые «не оправдали доверия» и вообще дать по этим вопросам ничего не могут.

Таким образом, история взаимоотношений выработала у обеих групп взаимное неудовольствие и негативную предубежденность. Важно отметить, что свою лепту в эту ситуацию внесла каждая сторона: одни слишком много пообещали, другие слишком много ожидали. На самом же деле здесь имела место самая обычная ситуация, делающая несвоевременными как энтузиазм, так и разочарование.

Новая научная дисциплина, изучающая какую-либо часть социальных проблем, возникает тогда, когда ими уже нельзя не заниматься. То есть, необходимость в ней и, следовательно, связанные с нею социальные ожидания крайне велики. Хорошо известно также, что всякая новая дисциплина очень амбициозна в заявлении о своих возможностях. Ее становление, развитие, совершенствование протекают естественным путем, и только постепенно она начинает накапливать результаты, которые могут быть полезны обществу. Ее обещания не могут быть выполнены быстро и полностью — это требовало бы чуда, но те, кто на это чудо надеялись, разочарованы и не хотят принимать те полезные «мелочи», которые выдает дисциплина. Надежды, связанные с новой областью знания, не могут оправдаться, если не будут подкреплены трезвостью оценок и терпением.

Следует, по-видимому, заметить, что охарактеризованный выше период неудовлетворенности науковедческими результатами был везде, но у нас он оказался усугублен неразвитостью социологических исследований вообще. У нас не существует того множества социологов-«прикладников», полезность исследований которых понятна организаторам науки, что приучает последних к положительной реакции на всех социологов науки. Кстати сказать, в Европе, где подразделения по социальным исследованиям науки создавались, во-первых, позднее (в 70-х годах), а во-вторых, по инициативе (или во всяком случае при поддержке) органов научной политики, продуктивный диалог между «организаторами» и «исследователями» был достигнут без взаимных обид и достаточно быстро.

Каков же итог исторического экскурса? Нам стала понятна подоплека негативной предубежденности в отношении науковедческих исследований. Но это — субъективная сторона, а какова объективная ситуация? Могут ли органы научной политики и управления наукой применять знания, полученные в социологических исследованиях? Безусловно могут. Об этом

свидетельствует опыт регулярных консультаций, за которыми правительственные органы ряда западноевропейских стран обращаются к социологическим подразделениям. И так, могут. Могут, но готовы ли? За этой готовностью должны стоять жестокая необходимость, или мощный интерес. Жестокая необходимость у нас есть. Интерес, однако, намного эффективнее, поэтому следует особое внимание обращать на механизмы, через которые необходимость можно превратить в интерес. Все это, так сказать, оценка возможностей «организаторов».

Ну, а что же исследователи науки, имеют ли они знания, необходимые организаторам науки? Опыт массового использования в западных странах социологических исследований для повышения эффективности организации научной деятельности подтверждает наличие в арсенале социологов каких-то безусловно полезных результатов (достаточно их или нет — отдельный вопрос). Серьезным возражением здесь может, правда, быть соображение, что не все, пригодное для их условий, подходит нам. Безусловно, не все, однако, многое, да и отечественное науковедение наработало свои рекомендации. Но ответ на поставленный вопрос зависит не только от самого накопленного запаса знаний, а в меньшей степени от того, одинаково ли оценивают существование выработанных Представлений «исследователи» и «организаторы», понимают ли вторые первых, на одном ли языке они говорят. Вместо того, чтобы ставить непродуктивный вопрос, какая сторона более виновата в недостаточном использовании науковедческих знаний, выясним корни «разноязычности» в сфере науки.

Факт наличия «разноязычных» групп, имеющих совершенно разные представления о науке, бросается в глаза каждому, кому приходится принимать участие в конференциях, симпозиумах, совещаниях и тому подобным мероприятиях, где обсуждаются вопросы повышения эффективности науки. Это разделение идет не по возрасту («отцы» и «дети»), не по статусам («элита» и «средняк»), не по приверженности к различным научным концепциям. На разных языках говорят представители тех, кто делает науку и тех, кто управляет наукой.

Основание разноязычности здесь очень глубокое, связанное с различным «бытием» этих групп — положением по отношению к науке и характером деятельности. Одни находятся в науке, которая является системой производства знания; через различные формы сотрудничества, профессионального взаимодействия они включены в функциональные механизмы этой системы; продукт их деятельности — знание, и естественно, что их интересы (и «язык») связаны с существом и спецификой процессов порождения нового знания. Другие не участвуют в процессе производства знания, для них содержание науки роли не играет, для них, — как и для всех, не занятых самим этим производством, наука описывается (и предстает) системой показателей. Одни делают «вещи» (научные результаты: сравним — телевизоры, туфли...), другие делают «показатели» (процент плана, экономические эффекты...). Дело не в том, что последние «плохие люди» — у них такая работа. Если бы показатели адекватно отражали функционирование науки и постоянно в соответствии с ними корректировались, ничего страшного в этом разделии не было бы: одни работают, другие ведут учет и планирование. Но однажды выбранные, показатели начинают жить своей жизнью — с помощью тех людей, которые «делают» показатели, говорят и мыслят на языке показателей. А вот это уже не только плохо, а просто ужасно, ибо реальная жизнь науки контролируется (и тем самым деформируется!) по этим показателям. Управление же в таком случае, как говорил В. И. Ленин, «принимает характер мнимый, призрачный».

Маленький пример. В 60-е годы для стимулирования практической

направленности научных исследований для научных учреждений был введен показатель «экономической эффективности». За 17 лет по АН БССР этот показатель возрос в 17 раз! Такой результат мог бы очень обрадовать, если бы был реален. К сожалению, всем работающим в сфере пауки ясно, что возрастает не экономическая эффективность, а умение выигрышно подсчитывать этот показатель.

Следует отметить, что специфика организации науки делает затруднительным резкое различие лиц «делающих» науку и управляющих ею. Резкое различие этих двух групп видно именно при умышленном заострении вопроса и в каких-то предельных случаях (так, например, ясно, что рядовой научный сотрудник наукой не управляет, а ГКНТ ее не делает). В большинстве случаев процесс управления настолько всепроникающе накладывается на процесс «делания» науки (он и проводится через тех же людей), что они фактически не дифференцируются. Ведь уже руководитель первичного научного коллектива — заведующий лабораторией или сектором -- занят не только научной деятельностью, но и управлением ею. В еще большей степени это относится к директору любого академического института, который, являясь ученым (в настоящем или прошлом), должен обеспечивать благополучные показатели своего института. Но если эти два вида деятельности реально сосуществуют и как бы составляют единство, то может быть их и не нужно различать? Нужно, и очень нужно! Потому что иначе возникает видимость общности бытия, общности сознания, непонимание непонимания и, следовательно, невозможность его преодоления.

Какова цель нашего анализа? Выявить принципиальные различия между учеными и управленцами, противопоставить эти слои и тем самым закрепить их различие? Выявить — да, но для того, чтобы прояснив позиции друг друга, размежевавшись, найти пути выработки общего языка. Ведь современная наука, превратившаяся в гигантский социальный институт, нуждается в управлении. Но «наивность», непрофессиональность («откуда нам знать, что мы не знаем») администраторов науки, которые с общими мерками подходят и к фундаментальным исследованиям и к разработкам, обходятся в миллиарды рублей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная западная социология науки.- М.; Наука, 1983.
2. Ignatyev A. A., Mirskaya E. Z. Science policy and «Human factors» in the experience of developing countries//Social Epistemology. L.- N. Y.. V. 3, N 3, 1989.